

Золотая клетка для буревестника революции

В этом номере журнала неслучайная случайность свела вместе две, поначалу независимых друг от друга темы: дома-музеи как отражение личности своих владельцев и их времени, и пришедшийся на март текущего года столетилетний юбилей Максима Горького. Вдруг оказалось, что обе темы накладываются одна на другую на редкость удачно — здесь есть о чем говорить. Музей-квартира Горького в Москве — не что иное, как знаменитый особняк Рябушинского, построенный в начале прошлого века одним из самых ярких представителей стиля модерн в русской архитектуре Федором Осиповичем Шехтелем (1859—1926). Это, пожалуй, наиболее известная из работ Шехтеля, — популярности которой в XX веке немало способствовало и то, что дом, отнятый советской властью у владельца, был позже передан именно Горькому. О жизни писателя в нем — в интервью заведующей Музеем-квартирой А. М. Горького, кандидата филологических наук **Светланы Дёмкиной**

— Светлана Михайловна, как и когда появился Горький в доме на Малой Никитской, где сейчас располагается Музей-квартира А. М. Горького?

— В конце 1917 года владелец дома известный промышленник Степан Павлович Рябушинский уехал за границу, и дом, как и многие другие здания, был национализирован. Когда Горький въехал сюда в 1931 году, это было абсолютно пустое пространство. То есть, между Рябушинским и Горьким здесь прошла череда учреждений, после которых все пришлось по-новому оживать. И мы находимся уже в ином пространстве — горьковском. Здесь нет противоречия, потому что за годы существования музея сло-

жилось единство — что-то осталось от Рябушинского, что-то от архитектора Шехтеля, от Горького, это уже общее музейное пространство, которое мы и предъявляем посетителям.

— Вы сказали: «пришлось по-новому оживать» жилое пространство для Горького. Имеется в виду мебель?

— Совершенно верно. Интерьеры начальные, шехтелевские, безусловно, остались без изменений. Мы имеем в виду паркет, окна, двери, потолок, панели, основной каркас, как бы мы сказали. А если говорить о жилом пространстве, то оно иное. Это мебель, да. Шкафы, рояль, кресла, книжные шкафы, какие-то вешалки и прочее. Их пришлось вписывать в те интерьеры, которые сохранились.

Горький был очень равнодушен к бытового рода деталям. И я бы сказала, что традиционно обустройство семейного интерьера в любом доме в той или иной форме совпадает:

* Проект «Музей — как лицо эпохи (продолжение)» осуществляется с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

стол, стулья, буфет, где вы храните посуду, а дальше идет уже узкая специфика. Например, учитывая то, что Горький — писатель, не случайно мы говорим про библиотеку. Она была очень важна. Двенадцать тысяч книг уникальной библиотеки Горького, редких книг, которые он собирал всю жизнь. Он начертил эскизы шкафов так, чтобы полки были на одну книгу, чтобы он мог видеть корешки, мог протянуть руку и взять нужный ему фолиант. Вот это было для него важно. Все остальное имело элементарное, функциональное предназначение.

— А кабинет? Письменный стол, за которым он работал?

— Вы знаете, есть высказывание Самуила Яковлевича Маршака про кабинет Горького — Маршак бывал у него в разных домах. И он говорил, что было такое ощущение, будто свою рабочую комнату Горький всегда возит с собой. Стол, примерно одинаковый, по медицинским показаниям был чуть выше, чем обычно, учитывая ранение Горького в легкое при попытке самоубийства и при его болезни легких. Его нелюбовь к ящикам — все нужное для работы должно было быть на столе. Поэтому стол был примерно один и тот же, какой мы могли везде видеть: на Капри, в Сорренто,

в Санкт-Петербурге, и такой же стол здесь. В этом здании прибавилось только то, что в кабинете расположена замечательная восточная коллекция Горького — то, что ему было близко.

— Четыре основных помещения на первом этаже — столовая, библиотека, кабинет и спальня — пространство жизни Горького в этом доме. Но ведь кто-то еще жил здесь при Горьком?

— Когда Алексей Максимович поселился в этом доме, с ним была семья его сына Максима Алексеевича, которого Горький горячо любил. Это был на тот период его единственный ребенок (дочка Катя умерла в раннем детстве). Их связывали очень добрые, очень теплые, дружеские отношения. Это бывает редко, когда отец знаменитость, и при нем в качестве секретаря сын. Очень даровитый, но, тем не менее, на фоне отца немножечко в тени. У Максима Алексеевича была жена, две дочери — внучки Горького. У них были, соответственно, воспитательница, преподавательница и прочие. Все они заняли второй этаж, на который Горький не поднимался по причине того, что был уже пожилым человеком, не очень здоровым. Жена Горького Екатерина Павловна жила в Москве неподалеку, в Мошковом переулке, они к тому времени уже не

были вместе, но сохранили дружеские отношения. Екатерина Павловна впоследствии сделала очень много, чтобы этот музей открылся.

Итак, Алексей Максимович занимал первый этаж, а семья сына — второй. Когда Максим Алексеевич трагически скоропостижно скончался, — Горький пережил его только на два года, — семья сына осталась жить на втором этаже. После смерти Алексея Максимовича — в 1936 году — ничего не изменилось до того момента, когда в 1965 году здесь открылся музей; когда увенчались успехом усилия Екатерины Павловны, вдовы Горького, и Надежды Алексеевны, вдовы сына. Тогда внукам Горького предоставили квартиры. Надежда Алексеевна, невестка Горького, осталась здесь. Она была одним из первых экскурсоводов, одним из первых устроителей каталогов, и эти усилия мы до сих пор помним *и ценим и благодарны ей*. Когда она скончалась в 1971-м году, ее комната была переделана в экспозицию последних лет жизни Горького, и музей стал работать в полном объеме.

— *Значит, все эти годы, с 1936-го по 1965-й, когда в этом доме был открыт музей, здесь продолжала жить семья сына Горького. А что происходило на первом этаже?*

— Он был законсервирован и опечатан.

— *Как жилось здесь Горькому? Бытует мнение, что ему было неуютно здесь, потому что богатая купеческая среда была ему, в общем-то, не близка. А советская власть проявила некое иезуитство, поселив его в такие роскошные помещения. И этот диссонанс будто бы мешал ему. Это действительно было так?*

— Я, конечно, не могу в полной мере воспроизвести то, что ощущал Горький, когда жил здесь. Но я бы разделила разные вещи. Роскошь как таковая и жизнь богачей, которую он наблюдал, будучи босняком, бродягой. Но когда он стал писателем, он очень быстро превратился в одного из самых успешных профессиональных литераторов России, который получал большие деньги. И ког-

да кто-то говорит, что ему здесь было неуютно, потому что это богатое место, в это трудно поверить.

Когда Горький стал хорошо зарабатывать литературным трудом и смог себе позволить арендовать квартиры, в которых можно было достойно жить, он занялся благотворительностью — это была его заветная мечта. В Нижнем Новгороде, на своей родине, он устраивал елки для детей, помогал студентам, нищим. Далее он оказался волею судеб в Италии, где арендовал виллу — мог себе это позволить, и что такое роскошь, он понял очень рано, еще в дореволюционный период. Когда Горький долго и мучительно решал, возвращаться ли ему на родину — для него это был вопрос нелегкий, с разных сторон на него пытались оказывать влияние всевозможные силы. Узнав, что ему готовят дом в центре Москвы, он еще не представлял, какой именно. Дом Рябушинского он прекрасно знал, потому что в начале прошлого столетия бывал рядом у книгоиздателя Скимунта в Гранатном переулке или у Саввы Морозова на Спиридоновке. Построенный Шехтелем дом ему не нравился не потому, что он богатый. Он не нравился Горькому потому, что стиль модерн, как это нам ни странно сейчас кажется, не всеми принимался. Он был чересчур избыточен, излишен. Вы почитайте Чуковского, тот говорил: гадкий образец декадентского стиля, ни одной честной линии, с похабными загогулинами, с бездарными кривулями. И у Горького было похожее восприятие. Дом был чужд его эстетическим критериям. Отвечая на вопрос, где бы ему хотелось жить, Горький подчеркивал: для него предпочтительна квартира типа той, в которой он жил в Петрограде на Кронверкском проспекте. Обычная длинная квартира в доходном доме, Алексей Максимович много лет прожил там со своей семьей. (В советское время эту квартиру превратили в коммунальную на много жильцов.) Когда Горький узнал, в какой особняк его собираются поселить, он высказал несогласие. Но выбора не было: для не-

го облюбовали этот дом, встретили на Белорусском вокзале и привезли сюда. И он последние 5 лет жизни прожил в этом особняке.

Что касается его настроений — менее всего они были связаны с эстетическим неприятием дома, построенного Шехтелем. Общественно-политическая обстановка, которая окружала Горького, быстро менялась. Сначала она была более мягкая, оставляющая простор для надежд, для ощущения, что ты можешь влиять на ситуацию и менять ее. Через некоторое время он начал понимать, что имеет очень мало возможностей, хотя активно окунулся в общественную жизнь. Он посещал массу мест, встречался с рабочими, с крестьянами, с пионерами, с разными людьми. Ему было очень интересно общаться, многое его притягивало, многое ему понравилось, но что-то его начало настораживать. Его не выпускали в Италию, к которой он привык, которую ему врачи рекомендовали по показаниям здоровья. Ему предоставили дачу в Крыму, бывшую дачу Раевских «Тессели». Нет, сказать, что ему было некомфортно в доме Шехтеля по эстетическим соображениям, я не могу. Скорее всего, от ощущения того, что происходит вокруг. А к этому дому, я думаю, он привык очень быстро. Потому, что здесь все было устроено под его жизнь: под его режим дня, под его привычки, под его огромную загруженность. Помимо своей собственной творческой работы, у него было много издательских проектов, много встреч режиссерского плана, потому что ставились его пьесы. Он встречался здесь с актерами, давал им рекомендации (для актеров это была блестящая возможность познакомиться с живым классиком). То есть, он был загружен невероятно.

— Как строился день Горького?

— К тому моменту, когда Горький тут поселился, у него уже выработался определенный график жизнедеятельности. Независимо от того, где он жил. Он традиционно очень много работал. Вставал рано и утром до завтрака писал. Потом был завтрак, после

которого он опять писал. Здесь, конечно, в его распорядок дня вкрадывались многочисленные встречи, чего в Италии, скажем, не было. Все-таки к нему потоком шли просители, планировались общественно-значимые встречи, которые он должен был проводить. Потом был обед. Потом прогулки, потом опять работа, работа, работа. А вечерами слушание музыки и радио. И перед сном обязательное чтение. Книги всегда лежали на его столике около кровати. Горький читал все новинки. Особенно здесь. Свежие издания курируемых им проектов выписывались и прочитывались. Он обладал удивительной способностью не только быстрого чтения, но и погружения. Плюс у Алексея Максимовича осталась старая привычка редактирования — он читал с карандашом. Даже готовую книгу, даже каких-то состоявшихся авторов, все равно, хотя это не была рукопись, переданная для редактирования, он правил больше для себя. Поэтому литературоведы до сих пор изучают пометки, сохранившиеся на книгах нашей мемориальной библиотеки.

— У Горького, когда он жил в этом доме, был очень большой круг общения, очень много разных обязанностей. И это уже был пожилой, больной человек. А что произошло в его творчестве в эти годы, что он здесь написал?

— Горький среди своих многих общественных обязанностей с трудом выкраивал время для личного творчества. И все-таки здесь были созданы «Егор Булычев», «Достигаев и другие», второй вариант «Вассы Железновой» и, прежде всего, здесь он пытался осуществить заветную мечту — закончить итоговый роман «Жизнь Клима Самгина», который писал много лет, начав еще в Италии. И здесь он торопился его закончить, потому что боялся, что не успеет. И не успел. Но, тем не менее, львиную долю текста Горький здесь написал. Его трудолюбие было удивительным. Одного «Клима Самгина» он переписывал четыре раза. Он не печатал на машинке, печатал за него Максим — сын. Горький все писал от руки. Это тре-

бывало грандиозных усилий. Кроме того, у него было много издательских проектов, для которых он писал вступления, готовил оглавления. Наконец, очень много времени занимало редактирование, прочитывание рукописей, встречи с авторами.

— *Можно сказать, что в пространстве музея то, что отражает характер именно Горького, — это библиотека и восточная коллекция?*

— Совершенно верно. Чем ценны мемориальные музеи, связанные с судьбой человека, который в свое время оказал влияние на развитие духовного облика страны, которую он представляет? Мемориальные музеи ценны подлинностью, аутентичностью. На примере судьбы одного человека мы изучаем судьбу страны. Но когда мы говорим о конкретном человеке, мы хотим представить, каким он был: нам нужны детали, штрихи, доминанты личностного свойства. Потому что, скажем, у всех есть мебель, у всех есть письменный стол, и даже то, что кто-то любил, чтобы чернильница была справа, а что-то слева — это нам мало о чем говорит. Но когда мы узнаем, что главное для человека — в нашем случае для Горького — была библиотека, это очень важно. Потому что мы знаем, что у Алексея Максимовича было трудное детство, что он окончил всего два класса нижегородского начального училища, правда, с похвальным листом. Затем из-за бедности пошел работать, но постоянно занимался самообразованием. А в результате пять раз номинировался на Нобелевскую премию. И поэтому говорил, что «книга заменила мне мать» (это его крылатая фраза) или «всему лучшему в своей жизни я обязан книгам». Находясь в его библиотеке, мы видим, что это не пустые слова. Это реально. Для чего мы это говорим своим посетителям? Чтобы показать, что как бы вам ни было трудно в начале вашей жизни, всегда в вашей воле ее изменить, сделать принципиальный шаг в другой мир, не ссылаясь на обстоятельства, которые вам приготовила судьба.

Что касается восточной коллекции — это тоже придает особый «мемориальный» штрих, потому что можно сказать: да, он русский писатель, написал очень много произведений, связанных с Россией. Но эта особенность — увлечение восточным искусством — характеризует его как человека, который открыт мировой культуре. Он вообще был западник, но западник с «восточным уклоном». Потому что всё, что касалось Востока, — и китайская литература, и японская литература, — интересовало его. И недаром его в Японии и в Китае любят как драматурга, как прозаика. Его интерес к восточной культуре — это какое-то особое окно в мир, которое, как он сам признавался, помогало ему жить в повседневности России.

— *Кто у него бывал в гостях?*

— Здесь бывала довольно пестрая публика. Я уже упоминала актеров театра Вахтангова, которые работали над его пьесой. Бывали молодые писатели. И не очень молодые, потому что они видели в нем учителя, и даже говорили, что они выросли из горьковской шинели. Им было лестно общаться с живым классиком. Они его действительно любили. И это было очень важно для Горького. Кроме того, здесь бывали представители правительственной элиты. Приезжал Сталин, приезжали Молотов, Ворошилов. Это было не очень часто. В начале, когда Горький здесь только поселился, это было чаще, потом — реже. И они приехали, когда он уже лежал при смерти, но это было не здесь, это было в Горках.

Здесь бывали Ромен Роллан, Бернард Шоу. А если говорить вообще о людях, что называется, простых, наших советских людях — здесь были пионеры, которые написали свою книгу, они приехали показать ее Горькому. Здесь были какие-то пожилые женщины, которые на старости лет успели обучиться грамоте, и что-то там успели написать, и привезли Горькому показать, подержать его за руку. Были парашютисты, летчики, тульские рабочие, самородки, технические гении. Горькому было

искренне интересно посмотреть на этих людей. Потому что это его завораживало в молодой строящейся стране — вот это движение. Ведь он же много ходил по Руси до революции. Он видел косность, невежество, и когда ему показывали, как мы бы сейчас сказали, программы, проекты, ему было это интересно. Когда целые села овладевали грамотой, когда проводилось электричество, когда в какой-то Богом забытой деревне открывался фельдшерский пункт, и этих крестьян наконец-то осмотрели врачи. Когда люди, которые никогда не владели грамотой, вдруг начинали читать — на него это оказывало удивительное воздействие. И он с интересом с ними разговаривал. Стол в столовой раздвигался, и частенько полностью был заполнен гостями. Ставилось угощение: чай, сушки и всё прочее. И он с ними говорил, говорил до хрипоты. Никто его не заставлял. Никто это не снимало на камеру. То есть это не был постановочный момент. Не забывайте, что он до этого много лет прожил за границей. Когда он уезжал в 1921 году, Россия еще одной ногой стояла в прошлом. А приехал он в Советский Союз. И все изменения в стране были для него крайне интересны. Он пытался постичь их.

— *А кто из известных музыкантов бывал здесь?*

— Шостакович. Ведь Горький заступался за него, когда вышла эта ужасная статья «Сумбур вместо музыки». Он познакомился с Шостаковичем, еще когда жил в Петрограде. Горький выбивал ему паек, он тогда для многих деятелей искусств устраивал пайки. И пришли хлопотать за Шостаковича. Горький помог, выступил с программной статьей, где он говорил, что к творческим людям, талантам, — а он знает Шостаковича как гения, — неприменимы те же критерии, что и к обывателям, к ним надо прислушиваться и ни в коей мере не травить, не предъявлять им претензий в творческом плане. Это была очень смелая по тем временам статья. Горький встал на защиту Шостаковича, пото-

му что тот его поразил. Дело в том, что сам Алексей Максимович был музыкально одарен. И есть даже такая легенда, подкрепленная фактами, что они с Шалапиным примерно в одно время пробовались в церковный хор в Казани, и Горького приняли, а Шалапина — нет (у Шалапина тогда голос ломался). Горький даже пел в этом хоре. Рояль стоит в столовой совсем не случайно. Горький любил живую музыку. А еще в столовой стоит новейшая по тем временам система: это двойка — радио и проигрыватель. Здесь Горький слушал и своего друга Шалапина, и Грига, и Бетховена — это были его любимые композиторы. Музыка для него была очень важна. В произведениях Шостаковича он ощущал то новое, что можно назвать музыкой XX столетия. Столетия трагического. Вот этот надвигающийся трагизм, как мне кажется, он ощущал в полной мере.

— *Судя по книгам, которые стоят в библиотеке, у Горького был очень широкий спектр интересов. Не только литературные произведения, но и справочники, книги по ботанике, по строительству московского метро и многие другие.*

— Совершенно верно. Горького недаром называли энциклопедистом со злым подтекстом и с добрым подтекстом. Это его итоговая библиотека. Он начинал свое книжное собрание еще в Самаре с двух книг на этажерке. У него была мечта. Мечта человека, который не получил образования, — иметь библиотеку. И он ее собрал. Состав мемориальной библиотеки, принцип расстановки книг, систематизация и тематика продуманы самим писателем. Горьковская структура — основа современного хранения его библиотеки. Здесь поэзия русская, зарубежная, русская и зарубежная проза, экономика, история, ботаника, биология, «Жизнь замечательных людей» — его любимая Павленковская серия, которую Горький возобновил в 1931-м году. Возобновил потому, что ему была близка идея: через рассказ о жизни замечательных людей показать всем

беспризорникам, этим несчастным мальчишкам и девочкам: вот посмотрите, люди в разные века имели в начале жизни сложные условия, но они себя преодолели, многого достигли, неважно, в какой стране, неважно, в какой области человеческого знания. Прочитайте об этом. История молодого человека, история фабрик и заводов — он всегда с удовольствием поддерживал такие проекты. Поэтому тематический спектр его библиотеки невероятно широк. На полках можно найти акушерские справочники, агросправочники, атлас плодородных земель, коммуникаций: всё ему было интересно, всё для него было важно. Он был совершенный библиофил.

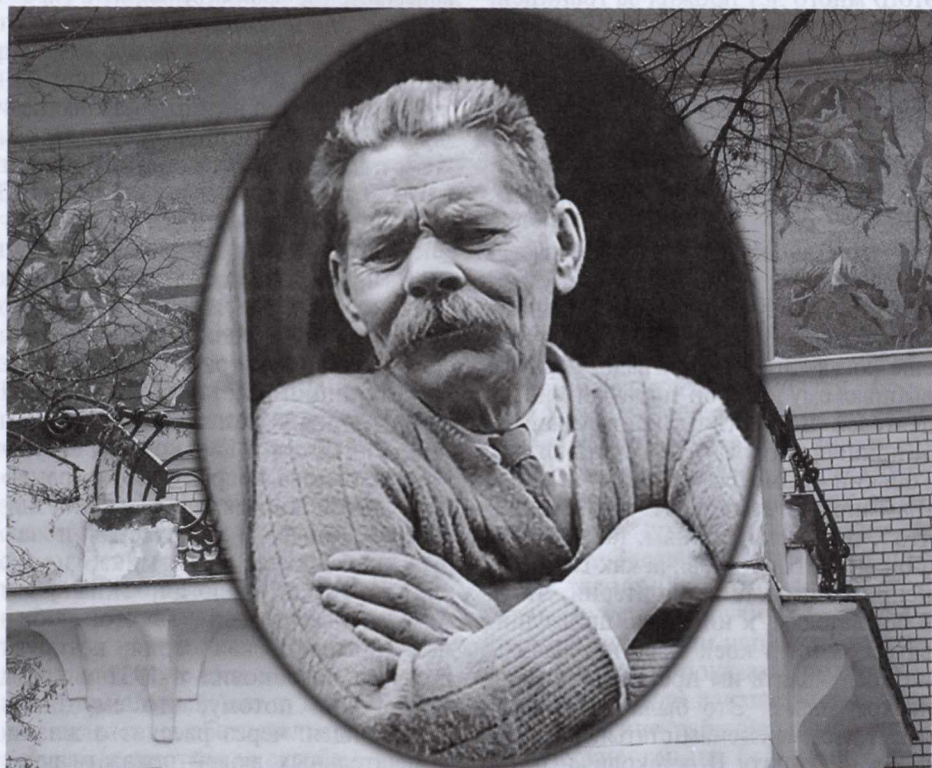
— Он умер в спальне, которая расположена рядом с кабинетом?

— Нет. Алексей Максимович Горький скончался в 1936 году в Горках — на своей подмосковной даче. Был июнь, он вернулся из Крыма, где он проводил зиму, а внучки болели гриппом. По официальной версии, он от

них заразился, заболел и скончался 18 июня 1936 года.

— Что можно сказать насчет мифа, что Горького отравили?

— Вы знаете, каждого большого человека окружает множество мифов. И это нормально. Нет ничего удивительного, что и вокруг этого дома, и вокруг личности Алексея Максимовича, даже вокруг личности его сына существует множество разнообразных мифов. Самый главный — что Горький не умер своей смертью, а его отравили. Отчасти этому способствовало официальное заключение, полученное в ходе печального процесса, когда замечательные русские врачи, которые лечили, наблюдали Алексея Максимовича, признались, что они травили и отравили великого русского писателя Горького. Но я хочу сказать, что, читая эти признания, мы должны помнить: они были получены в результате допросов в соответствующих органах, и мы не можем и не должны им доверять, потому что эти люди ис-

пытавали на себе элементы физического воздействия. Эти показания не могут для нас быть документальным свидетельством.

Что касается моей точки зрения, то я считаю, что Алексей Максимович в этот период своей жизни уже исчерпал свои жизненные силы, и его смерть носила естественный характер. Это был уже очень пожилой, очень больной и очень страдающий человек, который никак не мог оправиться после смерти своего единственного любимого сына. Я считаю, он умер своей смертью. И все документы — они опубликованы, наш институт выпустил сборник «Вокруг смерти Горького», где представлены все документы, протоколы вскрытия, история болезни, воспоминания шоферов, врачей и прочих людей, которые были в тот период вокруг Горького, — говорят в пользу этого. Другое дело, можно говорить, что было бы, если бы он не вернулся, остался в Италии — скорее всего, он прожил бы дольше. Но случилось так, как случилось.

— *Музеи время от времени меняют экспозицию. В вашем музее что-то меняется? Или здесь все вообще остается законсервированным?*

— Надо вам сказать, что мемориальный музей отличается от других музеев тем, что он не может ничего менять. Потому что его мемориальность — в сохраненной прижизненной обстановке. То есть каждый музей, если у него есть свободное помещение, может там организовывать выставочно-экспозиционное пространство. Но то, что мы обязаны хранить, мы храним как память, запечатленную в аутентичной обстановке. Все, как было при музейной персоналии. Неважно, писатель, композитор, ученый. Вот так было, здесь нет ничего привнесенного, воссозданного. Ни чего-то. Знаете, как бывает? Вот примерно кресло этой эпохи, вот такой ручкой он мог писать. Нет! У нас удивительно счастливая судьба. Все как было — нам только хранить.

Мы, конечно, понимаем, что надо использовать то свободное пространство, которого у нас крайне мало, но

оно есть. У нас два зала на втором этаже. И мы используем самые неожиданные места для создания выставок — временных и информационных. Мы, конечно, не могли оставить без внимания Ф. Шехтеля. Поэтому выставку, посвященную Шехтелю, мы сделали одной из первых. Разместили ее в гардеробе, там, где много места. Прекрасная выставка, исчерпывающе рассказывающая о его жизни и судьбе. Есть наверху в мансарде выставка, посвященная семье Рябушинских, Степану Павловичу и его братьям. Еще есть выставка «Горький в Москве». Тоже внизу, в гардеробе. Есть два зала, посвященные последним годам жизни Горького. Там его посмертная маска, его предсмертные записки, прочие вещи, связанные с последним периодом жизни. И это пространство мы сейчас делаем более живым, потому что народу хочется чего-то нового. Год прошел, через год посетитель пришел, и все та же посмертная маска. Гостям, наверно, хочется каких-то изменений. Поэтому к 50-летию музея в 2015 году мы сделали выставку, посвященную юбилею музея. К юбилею Горького — 150 лет со дня рождения — мы сделали выставку «Горький и сын». Поскольку для Горького это магистральная тема, и вокруг Максима тоже ходит много слухов, домыслов, а он был человек очень одаренный, просто не до конца реализованный. Мы стараемся использовать каждый сантиметр нашего мемориального особняка, чтобы добавить какую-то новую информацию, чтобы людям было интересно приходить в наш музей вновь и вновь. Хотя, как вы понимаете, архитектурная доминанта здесь так сильна, что никогда человек не уйдет разочарованным. Но если он приходит узнать что-то новое, чему-то удивиться — он всегда здесь что-то найдет. А для человека, который более детально интересуется творчеством Горького — конечно, мы стараемся ответить на все вопросы, и будем стараться, и будем продолжать эту работу по мере наших возможностей.

Беседу вел Игорь Харичев